

Когда двое могущественных покровителей ушли, Ян Цзяхэ остался один. Какое-то время он послушно, словно верный лакей, сидел на корточках у двери. Но вскоре ноги затекли, и он поднялся, начав украдкой разглядывать обстановку.

Разумеется, это роскошное жилище не шло ни в какое сравнение с той лачугой, которую он снимал при жизни. Из вежливости Ян Цзяхэ ограничился лишь гостиной, не осмеливаясь заглядывать в другие комнаты.

Интересно, какой сегодня день? Сколько времени прошло с его кончины?

Стоило вспомнить о собственной смерти, как внутри у Ян Цзяхэ закипала глухая ярость. Ему до безумия хотелось явиться призраком к своему бывшему начальнику и напугать того до полусмерти. Ведь если бы этот мерзавец не поил его насильно, пытаясь затащить в постель, защитный амулет не соскользнул бы, и трагедии не случилось.

Но обиднее всего было то, что он даже не помнил самого момента гибели.

Где сейчас его тело? Неужели его просто выбросили гнить в какую-нибудь сточную канаву?

От подобных мыслей по призрачной спине пробежал мороз. Ян Цзяхэ жалобно вздохнул и прижал руку к животу, который внезапно отозвался глухим урчанием. Только сейчас он осознал, как же чертовски давно ничего не ел.

На журнальном столике висилась горка сочных фруктов: клубника, виноград, бананы и яблоки. Все это принесли Ли Хунлян с супругой, когда забирали младенческую статуэтку.

«Если я съем всего одну штучку, никто ведь не заметит?»

После недолгой внутренней борьбы Ян Цзяхэ решился и протянул руку к спелому яблоку.

Но есть фрукты на пустой желудок — сомнительная затея: голод лишь разгорелся с новой силой. К тому же он теперь был призраком, и обычная человеческая пища почти не давала ему энергии. Стоило яблоку исчезнуть во рту, как сосать под ложечкой стало просто невыносимо.

Сделав первый шаг, остановиться он уже не мог. Мысленно проклиная себя за слабость, Ян Цзяхэ потянулся за следующим плодом, решив, что обязательно извинится перед хозяевами, когда те вернутся.

«При жизни я успел скопить немного денег. Теперь, когда меня нет в живых, отдам всё этим господам в знак признательности. Родителей давно нет на свете, я много лет пробивался один».

И без того жизнь была сплошной мукой, так еще и погубить его решили! Какая несправедливость!

От обиды и злости аппетит разыгрался не на шутку. Ян Цзяхэ и глазом моргнуть не успел, как опустошил обе вазы. На блюде одиноко лежал последний банан. Едва он протянул к нему руку, как в дверь неожиданно постучали.

«Неужели вернулись?»

Раз хозяйева стучат, значит, доверяют ему открыть! Ощувив внезапный прилив гордости от собственной полезности, Ян Цзяхэ радостно бросился к прихожей.

Но в последний момент осторожность взяла верх, и он решил заглянуть в глазок.

На лестничной площадке царила пустота.

Ян Цзяхэ озадаченно почесал затылок.

— Почудилось, что ли? Жуть какая.

Стоило ему пробормотать это под нос, как стук повторился. Более настойчиво.

Он снова прильнул к глазку — никого.

По спине поползли неприятные мурашки. Банан сразу выпал из его приоритетов, и Ян Цзяхэ торопливо отложил его на обувную полку.

«Может, это свин-босс вернулся? Он ведь крошечный, как раз в мертвой зоне под дверью стоит, вот его и не видно».

Эта догадка показалась ему вполне логичной. Наверняка рядом стоит и второй господин. Ян Цзяхэ решил посмотреть еще раз, повнимательнее. Почему он не спросил вслух, кто там, он и сам не понимал — горло словно сдавило невидимой рукой.

Он вновь приник к глазку. В пустынном коридоре по-прежнему никого не было, но воздух вокруг вдруг резко похолодал.

Прежде чем он успел отпрянуть, прямо перед его взором со стороны коридора возникло чудовищное, залитое кровью лицо. Оно дико оскалилось, растягивая рот до самых ушей. В багровой пасти шевелились тонкие алые нити, и в следующую секунду кожа на этом лице с мокрым треском лопнула, обнажая мясо.

Ян Цзяхэ оцепенел от ужаса. Кровавое зрелище содранной кожи едва не лишило его остатков призрачных сил. Он хотел отпрянуть, закричать, но неведомая мистическая сила сковала его движения, намертво пригвоздив к полу. Его рука, подчиняясь чужой злой воле, медленно поднялась и легла на дверную ручку.

А по ту сторону стекла оторванная маска из плоти продолжала кривляться — то расплываясь в фальшивой улыбке, то кривясь в яростной гримасе. Из пустых глазниц и рта толчками хлестала темная кровь.

«Хватит! Пожалуйста, перестань, я больше не выдержу!»

Но голос пропал. Ручка двери мягко опустилась под его ладонь. Раздался тихий щелчок, и замок поддался.

В ту же секунду пути спали. Спотыкаясь, Ян Цзяхэ бросился назад в глубь прихожей. Его колотило крупной дрожью, но он заставил себя не спускать глаз с медленно открывающейся двери.

Господ нет дома. Его спас поросячий владыка, и его долг — защитить этот дом любой ценой!

Но когда дверь наконец распахнулась, Ян Цзяхэ замер, не веря собственным глазам.

— Ты... ты...

Он дрожащим пальцем указал на вошедшую женщину с мертвенно-бледным, угрюмым лицом. Сказать что-то большее не позволял сковавший горло ужас.

Когда его сознание только пробудилось, он оказался заперт внутри глиняной фигурки младенца. И первым, кого он тогда увидел, была именно она. Каждая крупица боли, которую он вынес в том заточении, была делом ее рук. Одно лишь воспоминание о пережитых муках заставило его призрачное лицо исказиться от дикого страха.

Этот взгляд, в котором смешались жгучая ненависть и беспомощный детский испуг, явно пришелся незваной гостье по душе. Она хищно изогнула бровь, и ее невзрачное, угрюмое лицо на миг оживилось.

— Что такое? Не рад видеть свою госпожу?

«Какую еще, к черту, госпожу...»

Ян Цзяхэ пятился, волоча ватные ноги. Женщина медленно наступала.

— Н-не подходи! — закричал он, заикаясь от ужаса. — Я полицию вызову!

Услышав это нелепое в устах призрака обещание, женщина действительно остановилась, но лишь для того, чтобы брезгливо поморщиться.

— Жалкое ничтожество.

Все мужчины — мусор. Кроме ее ненаглядного Мэн Лана.

Она открыла небольшой кожаный чемоданчик и извлекла оттуда свежую фигурку младенца. Ян Цзяхэ похолодел.

Едва обретенная свобода ускользала сквозь пальцы. Она снова запрет его в глиняном уродце и заставит губить невинных людей! Этому не бывать!

— Решил взбунтоваться? — Женщина уловила его отчаянную решимость и холодно усмехнулась. — Я слишком долго искала душу с идеальным гороскопом, чтобы так просто её отпустить.

Из ее тела скользнула багровая тень — тот самый кроваволицый призрак, что пугал его через глазок. Это оказалась маленькая девочка лет пяти. Тварь молниеносно взвилась в воздух, опустилась на плечи Ян Цзяхэ и мертвой хваткой вцепилась ему в голову. Ян Цзяхэ забился в конвульсиях, чувствуя, как его призрачная оболочка начинает таять от боли.

— Сначала я верну тебя в стойло, а потом разберусь с тем, кто посмел сломать мою куклу, — тихо произнесла женщина, смакуя его мучения. Она сделала еще шаг вперед. — Поглядим, что за храбрец решил перейти мне дорогу.

Едва она договорила, как лицо Ян Цзяхэ изменилось. Боль утихла, а на смену животному ужасу в его глазах пришел дикий, неопиcуемый восторг.

Женщина инстинктивно попыталась обернуться, но не успела. Девочка-призрак на плечах парня истошно, пронзительно завизжала от боли и стремительной молнией втянулась обратно в тело хозяйки.

Колдунья медленно повернулась.

У самого входа, совершенно бесшумно, возник высокий, безупречно сложенный мужчина. В его руках покоился крохотный, нежно-розовый поросенок. Не обращая на гостью ни малейшего внимания, молодой человек аккуратно отламывал кусочки от аппетитного цзяньбина и бережно кормил своего питомца. Поросенок усердно жевал, забавно двигая пяточком, и с явным любопытством косился на незваную гостью.

Женщина скользнула взглядом по поросенку, задержалась на нем лишь на пару секунд и вперила настороженный прищур в Му Хуайси.

— Этот призрак принадлежит мне, — холодно процедила она. — Почтенный собрат по ремеслу, вы беззастенчиво уничтожили мой артефакт и присвоили чужую вещь. Не слишком ли дерзко для первой встречи?

От этого мужчины веяло едва уловимым, но хорошо знакомым ей дыханием темных искусств. С такими практиками всегда было больше всего хлопот: если дело дойдет до драки, победит лишь тот, чье колдовство окажется грязнее и беспощаднее. Она выживала в этом жестоком мире не благодаря слепой отваге, а благодаря осторожности. Этот человек казался смертельно опасным — он искалечил ее багровую помощницу одним лишь своим присутствием.

Сейчас, когда ее Мэн Лан находился на грани перерождения, лишние проблемы были ей ни к чему. Пусть отступить и унижительно, но лучше затаиться. Вот когда ее возлюбленный очнется, тогда они и сочтутся.

Приняв решение, она сухо добавила:

— Впрочем, раз уж мы одной крови, я не стану раздувать ссору. Всего хорошего.

Она выхватила из кармана темный флакон для пленения душ. Ян Цзяхэ не успел даже вскрикнуть, как его безвольное тело засосало внутрь артефакта. Женщина развернулась к выходу.

Оказавшись в крошечной тьме, Ян Цзяхэ в панике завертел головой. Клубящаяся вокруг ледяная, удушливая злоба мгновенно облепила его, проникая под прозрачную кожу. Холод сковал мысли, лишая способности соображать.

«Вот и всё. Конец. На этот раз меня сотрут окончательно, даже призраком быть не позволят», — тоскливо подумал он перед тем, как окончательно впасть в забытие.

Но в тот самый миг, когда удушливая скверна готова была сожрать его без остатка, ее натиск резко прекратился. А секундой позже снаружи донесся полный нечеловеческой боли вопль.

Кричала колдунья.

Гулко бахнуло. Сосуд разлетелся в щепки, и черная жижа мгновенно рассеялась. Ян Цзяхэ рухнул на паркет. Замерзший разум медленно возвращался к жизни, возвращая способность чувствовать и соображать. Не успев толком порадоваться своему спасению, он приподнял голову и обомлел.

Мать божья!..

Розовый поросенок больше не жевал свой блинчик. Спрыгнув с рук Му Хуайси, он деловито подошел к кожаному чемоданчику ведьмы. Тот уже лежал на боку, а его жуткое содержимое — кости, амулеты и прочая оккультная мерзость — раскатилось по полу. Малыш Цзян Нань аккуратными движениями копытца подпινывал эти безделушки поближе к скорчившейся на полу женщине.

Вокруг ведьмы метались багровые призрачные тени, яростно терзая и кусая свою бывшую хозяйку. И стоило очередной колдовской побрякушке коснуться ее тела, как беснующиеся твари вгрызались в нее с еще большим неистовством, вырывая из горла несчастной пронзительные визги.

«Орет-то как... Вдруг соседи услышат?» — отрешенно подумал Ян Цзяхэ.

Но бросив взгляд на дверь, он успокоился. Проход был заперт, а Му Хуайси, небрежно прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, ласково подбадривал своего любимца:

— Малыш, не волнуйся, я уже выставил звукоизоляционный барьер. Смертные ничего не услышат. Можешь развлекаться вволю.

Маленькие глазки поросенка заговорщически блеснули. Он подбежал к извивающейся ведьме и принялся методично охаживать ее копытцами — то с одного бока поддаст, то с другого. И происходило нечто невероятное: с каждым его ударом кожа на теле женщины словно отставала от костей, делаясь все более дряблой и чужой.

— А-а-а-а!

Даже зубы собственных призраков не причиняли ей такой адской муки. Каждое прикосновение крошечного копытца отзывалось в ее существе невыносимой, разрывающей душу болью. Женщина каталась по полу в тщетной надежде спастись от этой экзекуции.

Но разве Цзян Нань дал бы ей пощаду?

Мяса в ней все равно не было — одна гниль. Будь она съедобной, он, возможно, действовал бы аккуратнее.

Вволю натешившись, Цзян Нань лениво взмахнул копытцем. Багровые тени мгновенно послушно отпрянули от ведьмы и дружной гурьбой перебрались в угол, устроившись рядышком с Ян Цзяхэ.

Ян Цзяхэ только глазами хлопал от изумления.

Та самая жуткая девочка-призрак, что пугала его до усрачки, теперь сидела рядом и вполне дружелюбно ему улыбалась.

Ян Цзяхэ сглотнул призрачную слюну, не зная, как на это реагировать.

Между тем кожа ведьмы окончательно потеряла форму и обвисла пустым мешком. На макушке образовалась рваная рана, из которой, мерзко извиваясь, начало протискиваться нечто костяное. Это был скелет, но не человеческий, а скорее напоминающий какую-то чешуйчатую рептилию. Тварь покачнулась, пытаясь встать на лапы, но поросенок без лишних церемоний наступил на нее сверху.

Хрусь!

Кости с сухим шорохом рассыпались в мелкую труху.

Этот звук заставил вздрогнуть и Ян Цзяхэ, и присоседившихся к нему призраков.

Цзян Нань брезгливо покосился на жмущуюся в углу потустороннюю братию и разочарованно вздохнул.

«И это призраки нового поколения? Мельчает нынче нечисть, совсем слабаки пошли».

<http://bllate.org/book/19051/1972981>